

Ганс Гейнц Эверс Соус из томатов

Кто вдаль пускался от угла родного,
Тот видел то, о чем и не мечтал,
А дома за лжеца слывет пустого,
Коль на беду, что видел, рассказал.
Повсюду нрава глупый люд такого:
Не верит, коль рукой не осязал.
(Аpiocto, "Неистовый Роланд". Песнь седьмая, 1)

В первый раз это было пять недель тому назад, во время боя быков тогда именно, когда черный бык из Миуры проткнул руку маленькому Квинито.

В ближайшее воскресенье - снова. В следующее - тоже... Я встречал его на каждой корриде. Я сидел внизу, впереди, в первом ряду, чтобы делать фотографические снимки. Его абонементное место было рядом с моим. Маленький человек в круглой шапочке и черном сюртуке, какие носят английские священники. Бледный, безбородый, золотые очки на носу. И еще особенность: его глаза были без ресниц.

Я сразу обратил на него внимание. Когда первый бык поднял на рога гнедого клеппера и длинный пикадор неуклюже свалился на землю, когда жалкая кляча тяжело взметнулась разорванным телом и запуталась ногами в собственных окровавленных внутренностях, которые низко свешивались и тащились по песку, - тогда я услышал около себя легкий вздох, но какой вздох!.. Удовлетворения!

Мы целое послеполудня сидели рядом, но не обмолвились ни единым словом. Красивая игра бандерильеросов интересовала его мало. Но когда тореадор вонзал быку в затылок свой клинок, так что рукоятка возвышалась над мощными рогами, словно крест, он схватывался руками за барьер и весь вытягивался вперед. Самое важное для него было garrocha. Если у лошади из груди била струя крови в руку толщиной или чуло давал смертельно раненному животному последний удар в мозг своим коротким кинжалом, если, наконец, бешеный бык кромсал на арене лошадиный труп и рылся рогами в его внутренностях - в такие моменты этот человек медленно потирал себе руки.

Однажды я спросил его:

- Вы, должно быть, горячий поклонник боя быков? Un afficonado?

Он кивнул, но не промолвил ни слова. Ему не хотелось отвлекаться от созерцания.

Гренада не так велика... Я скоро узнал его имя. Он был пастором в маленькой английской колонии. Его земляки звали его попросту "padro". Очевидно, его считали не в своем уме, потому что никто с ним не разговаривал.

В одну из сред я был на петушином бою.

Маленький амфитеатр, совершенно круглый, с высоко вздымающимися скамейками. Посредине арена, освещенная сверху. Вонь, плевки, дикие крики требуется некоторая доля решимости, чтобы войти туда.

Принесены два петуха. Они похожи на кур, потому что у них обрезаны гребни и перья хвоста. Их взвешивают, а затем вынимают из клеток. И они сразу, без размышления, кидаются друг на друга. Перья крутятся вокруг вихрем. Снова и снова налетают оба противника один на другого, раздирают друг друга клювом и шпорами - и все это без единого звука. Зато человеческое стадо вокруг кричит и завывает, и стучит, и бьется об заклад. А! Желтый выклевал белому глаз, подобрал с пола и съел его!.. Головы и шеи птиц, давно ощипанные, вытягиваются и покачиваются над туловищами, словно красные змеи. Ни на одно мгновение они не оставляют друг друга. Перья их окрашиваются в пурпур. Едва можно различить формы: птицы кружатся, как два кровавых клубка. Желтый потерял оба глаза и слепо зря тычет клювом вокруг себя в воздух, и каждую секунду клюв его

противника раздирает ему голову. Наконец он падает. Без сопротивления, без единого крика страдания, он позволяет противнику закончить его дело. Но это свершается не так-то скоро: белый употребляет на это пять-шесть минут, сам насмерть обессиленный ударами своего врага.

И вот сидят они кругом меня - все эти человекоподобные - и смеются над бессильными ударами победителя, и кричат на него, и считают каждый удар из-за пари.

Но вот и конец. Тридцать минут - предуказанное время - прошли. Бой кончился. Хозяин петуха-победителя поднимается и с гордой усмешкой добивает палкой побежденного петуха. Это его право. Птиц поднимают, обмывают под краном и считают их раны - из-за пари...

На мое плечо ложится чья-то рука.

- Ну, что? Каково? - спрашивает padre.

Его водянистые, лишенные ресниц глаза удовлетворенно смеются за широкими стеклами очков.

- Не правда ли, вам это нравится? - продолжает он.

На мгновение я пришел в замешательство: серьезно он говорит или нет? Его вопрос показался мне настолько безмерно оскорбительным, что я уставился на него, не отвечая ему ни слова.

Но он понял мое молчание по-своему: он принял его за согласие. Так он был уверен в нем.

- Да, - промолвил он спокойно и очень медленно, - вот это наслаждение!

Нас оттеснили и разъединили. На арену принесли новых петухов. ...Вечером я был приглашен к английскому консулу на чай. Я был точен и явился раньше других гостей.

Я поздоровался с ним и его старой матерью, и он промолвил:

- Я очень рад, что вы пожаловали так рано. Я хотел бы сказать вам пару слов.

- К вашим услугам, - улыбнулся я.

Консул придвинул мне кресло-качалку и начал серьезным тоном:

- Я совершенно далек от того, чтобы делать вам какие-либо предписания. Но если вы имеете намерение остаться здесь подольше и бывать в обществе, и притом не в одной только английской колонии, то я хотел бы вам дать дружеский совет.

Я был заинтригован, куда он клонит.

- Какой именно? - спросил я.

- Вас часто встречают с нашим духовным лицом, - продолжал консул.

- Виноват! - прервал я его. - Я знаком с ним очень мало. Сегодня я в первый раз обменялся с ним несколькими словами.

- Тем лучше, - возразил консул. - Я именно хотел бы посоветовать вам избегать, насколько можно, общения с ним. По крайней мере, публичного.

- Благодарю вас, - промолвил я, - но не будет ли с моей стороны нескромностью спросить, почему?

- Я считаю своим долгом объяснить вам это, - ответил он, - хотя и не знаю, удовлетворит ли вас мое объяснение. Padre... Вы знаете, что его так прозвали?

Я ответил утвердительно.

- Хорошо, - продолжал он, - так вот, padre раз и навсегда осужден в обществе. Он регулярно посещает бои быков... Это еще куда бы ни шло... Но он не пропускает также и ни одного петушиного боя... Короче, у него такие вкусы, которые делают невозможным его общение с европейцами.

- Позвольте, господин консул! - воскликнул я. - Если его так строго осудили за его вкусы, то на каком же основании его оставляют в его должности, несомненно, весьма почтенной?

- Он - настоятель, - заметила старая дама, - во всяком случае, это имеет значение.

- К тому же, - прибавил консул, - в течение тех двадцати лет, пока он служит здесь, он никогда не подавал ни единого малейшего повода к жалобе. Наконец, необходимо принять

во внимание и то, что место пастора в нашей общине принадлежит к числу наименее оплачиваемых на всем континенте... Нам было бы слишком трудно найти заместителя.

- Итак, вы удовлетворяетесь его проповедями? - обратился я к матери консула, с трудом подавляя лукавую усмешку. Старая дама выпрямилась в своем кресле.

- Я никогда не допустила бы, чтобы он произнес в церкви хотя бы одно-единственное слово, - промолвила она решительным тоном. - Он читает каждое воскресенье текст из "Книги проповедей Дин Гарлея".

Ее ответ поставил меня в тупик, и я замолчал.

- Впрочем, - снова начал консул, - было бы несправедливо не упомянуть также и о некоторых хороших сторонах padre. У него есть маленькое состояние, и ренту с него он употребляет исключительно на благотворительные цели. А сам живет очень скромно, почти нищенски, если только не считать его несчастной страсти.

- Хороша благотворительность! - прервала его мать. - Кому он помогает? Раненым тореадорам и их семьям. Или же жертвам Salsa...

- Жертвам чего? - спросил я.

- Моя матушка говорит о "Salsa de Tomates", - пояснил консул.

- Томатовом соусе? - снова спросил я. - Padre благотворит жертвам томатогового соуса?

Консул рассмеялся. Затем прибавил серьезно:

- Вы ничего не слыхали о такой Salsa? Речь идет об одном древнем ужасном обычае в Андалузии, который, несмотря на все наказания, налагаемые судом и церковью, продолжает, к сожалению, существовать и поныне. С тех пор, как я консул, в Гренаде было два доказанных случая "сальсы". Ближайшие подробности, однако, остались невыясненными, потому что участники сальсы, несмотря на практикуемые в испанских тюрьмах средневековые приемы допроса, предпочитали скорее откусить себе языки, чем промолвить хотя бы одно слово. Я имею обо всем этом лишь неточные и, быть может, ложные данные. Если вас интересует эта жестокая тайна, заставьте padre рассказать о ней. Дело в том, что он слывет (хотя это и не доказано точно) поклонником и приверженцем "сальсы". И подозрение это и есть главная причина, почему у нас избегают общения с ним.

Вошли гости, и наш разговор был прерван.

В следующее воскресенье, придя на бой быков, я принес padre несколько штук очень удавшихся фотографических снимков с последней корриды. Я собирался подарить их ему, но он едва взглянул на них.

- Извините меня, - промолвил он, - но это меня не интересует.

Я сделал смущенную физиономию.

- О, я вовсе не хотел вас обидеть, - поправился он, - но, видите ли, я люблю только красную краску. Красную, как кровь, краску.

Слова "красную, как кровь, краску" звучали почти поэтически, выходя из уст этого бледного аскета!..

Мы вступили в разговор. И среди разговора я спросил его как бы невзначай:

- Мне очень хотелось бы увидеть "сальсу". Не можете ли вы как-нибудь взять меня с собою на нее? Он замолчал. Его бледные губы задрожали. Потом он спросил:

- "Сальса"? Вы знаете, что это такое?

Я солгал:

- Конечно!

Он снова уставился на меня. Его взгляд упал на старые шрамы на моих щеках и на лбу.

И как будто эти знаки, оставшиеся от детского поранения, были для него тайным паспортом или пропускным свидетельством, он слегка прикоснулся к ним своими пальцами и торжественно промолвил:

- Я возьму вас с собою!

Прошло недели две. Вечером, часов в девять, ко мне постучали в дверь. И прежде чем я успел крикнуть - войдите, ко мне уже вошел padre.

- Я пришел за вами, - сказал он.

- Зачем? - спросил я.
- Вы знаете это! - настаивал он. - Вы готовы?
- Я поднялся.
- Сию минуту. Не могу ли я предложить вам сигару?
- Благодарю вас. Я не курю.
- Стакан вина?
- Благодарю, я не пью! Прошу вас, нельзя ли поторопиться!

Я взял шляпу и последовал за ним вниз по лестнице, в лунную ночь. Молча шли мы по улицам, вдоль по берегу Гениля, под цветущими деревьями. Мы повернули налево, взобрались на гору и пошли по Полю Мучеников. Впереди сияли в теплом серебре лунного света снеговые вершины Сиерры.

Кругом по склонам холмов то здесь, то там мерцали отблески из землянок, в которых живут цыгане и иной народ. Мы обогнули глубокую долину Альгамбры, наполненную почти доверху зеленью высоких вязов. Миновали могучие башни Нассаридов, затем длинную аллею вековых кипарисов и поднялись к горе, с которой последний мавританский князь, "с волосами цвета соломы", Боабдил, посылал потерянной Гренаде свой последний вздох.

Я взглянул на моего необыкновенного спутника. Его взгляд, обращенный внутрь себя, казалось, не видел ничего из всего этого ночного великолепия. Лунный свет мерцал на его тонких бескровных губах, на ввалившихся щеках и глубоких впадинах висков - и мною вдруг овладело такое чувство, как будто я уже целую вечность знаю этого ужасного аскета. И в то же мгновение я нашел и разгадку этого ощущения: ведь это было то самое лицо, которое ужасный Цурбаран придавал своим экзальтированным монахам.

Наш путь теперь пролегал между широколистными агавами, которые протягивают вверх, на высоту роста трех человек, свои жесткие, как древесина, цветочные стебли. Мы слышали шум Дарро, бегущего между горами и ниспадающего со скал.

Навстречу нам показались трое людей в коричневых разорванных плащах. Они еще издали поклонились моему спутнику.

- Это сторожа, - сказал *padro*, - останьтесь здесь, я пойду поговорить с ними.

Он направился к сторожам, которые, казалось, ожидали его. Я не мог понять, что они говорили, но речь шла, очевидно, о моей персоне. Один из них оживленно жестикулировал, недоверчиво глядел на меня, взмахивал руками и вскрикивал: "Ojo, el caballero!" Но *padro* успокоил его, и в конце концов тот сам кивнул мне:

- Sea usted bienvenido, caballero, - приветствовал он меня и снял шляпу. Двое из сторожей вернулись назад к своим сторожевым местам, а третий стал сопровождать нас.

- Это - организатор или, как они называют, *Manager* всей этой истории, объяснил мне *padro*.

Пройдя еще несколько сот шагов, мы достигли одного из тех пещерных жилищ, которые сотнями покрывают горные склоны Гренады. Пред входным отверстием, по обыкновению, находилась утоптанная площадка, окруженная густой изгородью из кактусов. Там стояло человек двадцать парней. Ни одного цыгана между ними, однако, не было. В углу между двумя камнями горел небольшой огонь; над ним висел котелок.

Padro потянулся в карман, вытащил один дуру, потом другой и отдал нашему спутнику.

- Эти люди так недоверчивы, - промолвил он, - они принимают только серебро.

Андалузец присел на корточки к огню и исследовал каждую монету. Он бросил их на камни, затем попробовал зубом. И наконец сосчитал: сто пезет!

- Я должен дать им еще денег? - спросил я.

- Нет, - ответил *padro*, - лучше вы побейтесь с ними об заклад. Это послужит к большей безопасности для вас.

Я не понял его.

- К большей безопасности? - повторил я. - Что это значит?

Padro рассмеялся:

- О, вы тогда будете более своим человеком для этих людей и... их должником...

- Скажите, пожалуйста, - промолвил я, - почему вы никогда не бьетесь об заклад?

Он спокойно встретил мой взгляд и ответил небрежным тоном:

- Я? Я не делаю этого потому, что пари помешало бы непосредственной радости созерцания.

Между тем появилось еще с полдюжины в высокой степени подозрительных физиономий. Все они кутались в неизбежные коричневые платки, которые употребляются андалузийцами как плащ.

- Чего мы еще ждем? - спросил я одного из людей.

- Мы ждем, когда уйдет луна, кабальеро, - ответил он, - она должна сначала спрятаться.

Он предложил мне большой стакан *aguardiente* (водка). Я отказался, но англичанин насильно всунул мне стакан в руку.

- Пейте, пейте! - настаивал он. - Для вас все это новость. Может быть, вы будете нуждаться в этом.

Другие тоже усердно попивали водку. Но никто не шумел, и только быстрый шепот и хриплое покашливание раздавались в ночной тишине. Луна скрылась на северо-западе, за Кортадурой. Из пещеры принесли длинные смоляные факелы и зажгли их. Затем отгородили камнями маленький круг посредине - это была арена. Кругом нее выкопали в земле ямки и воткнули в них факелы. И в их красном мерцании стали медленно раздеваться двое молодых людей. Они остались в одних кожаных штанах и в таком виде вошли в круг и уселись друг против друга, скрестив по-турецки ноги. Только теперь я заметил, что в землю были горизонтально вкопаны два толстых бревна с железными кольцами. Между этими-то кольцами и расположились оба парня. Кто-то из присутствовавших сбегал в пещеру и принес оттуда пару толстых веревок. Вербками обмотали туловище и ноги у каждого парня и крепко привязали каждого к его бревну. Они теперь были сжаты, как в тисках, и только верхняя часть туловища могла свободно двигаться.

Они сидели так, не произнося ни слова, затягивались сигаретками и опорожняли стаканы с водкой, которые затем снова наполнялись. Они были, без сомнения, уже сильно пьяны: их глаза тупо уставились в землю. А кругом, между чадившими факелами, расположились зрители.

Внезапно услышал я за собой отвратительное визжание и царапанье, которое раздирало уши. Я обернулся: некто тщательно точил на круглом точильном камне маленькую наваху. Он попробовал острие своим ногтем, отложил нож в сторону и принялся точить другой.

Я обратился к *радо*:

- Эта "сальса", стало быть, нечто вроде дуэли?

- Дуэли? - возразил он. - О, нет. Это нечто вроде петушиного боя.

- Как! - воскликнул я. - По какому же поводу эти люди предпринимают свой петушиный бой? Они оскорблены друг другом? Из-за ревности?

- Ничуть не бывало! - спокойно ответил англичанин. - У них нет никакого повода. Быть может, они хорошие друзья, а может быть, и совсем не знают друг друга. Они просто хотят доказать свое мужество. Они желают показать, что ни в чем не уступают ни быкам, ни петухам.

Противные губы попытались сложиться в улыбку, когда он продолжал:

- Это то же, что ваши студенческие мензуры.

За границей я всегда патриот. Этому я давно выучился у бритов: "Right or wrong - my country".

И я ответил ему резко:

- Ваше сравнение нелепо. Вы не можете судить об этом.

- Быть может, - ответил *радо*, - однако я видел в Геттингене прекрасные мензуры. Много крови. Много крови.

Между тем около нас занял место патрон. Он вытащил из кармана грязную записную книжку и маленький карандаш.

- Кто держит за Бомбиту? - воскликнул он.

- Я! - Пезета! - Два дура! - Нет, я хочу за Лагартихилло! - каркали один за другим пьяные, пропитанные вином, голоса.

Padro сжал мне руку.

- Устраивайтесь с вашими пари так, чтобы вы должны были проиграть, промолвил он. - Не скупитесь. С этой шайкой нельзя быть достаточно предусмотрительным.

Я принял участие в целом ряде предложенных пари. А так как я ставил сразу на обоих, то неизбежно должен был проиграть.

В то время как Manager записывал все пари у себя в книжке неуклюжими знаками, зрители передавали друг другу остро отточенные навахи, клинки которых едва достигали двух дюймов. Затем их передали в сложенном виде обоим борцам.

- Которую хочешь ты, Бомбита Чико, мой петушок? - смеялся точильщик.

- Давай! Давай, все равно! - бормотал пьяный.

- Я хочу мой собственный нож! - воскликнул Лагартихилло.

- Тогда и мне давай мой. Так лучше! - прохрипел другой.

Когда все пари были записаны, Manager подал им еще один большой стакан водки. Они выпили водку залпом и бросили свои сигаретки. Каждому принесли по длинному красному шерстяному платку, и борцы крепко обмотали ими левое предплечье и руку.

- Можете начинать, ребяташки! - воскликнул хозяин. - Открывайте ножи!

Клинки навах звякнули пружинами и встали торчмя. Звонкий, отвратительный звук. Но оба парня оставались совершенно спокойными. Ни один из них не шевелился.

- Начинайте же, зверушки! - повторил патрон.

Борцы сидели неподвижно и не двигались.

Андалузийцы стали проявлять нетерпение.

- Хвати его, Бомбита, мой молоденький бычок! Воткни ему рожки в тело!

- Начинай, малыш! Я поставил на тебя три дура.

- А, так вы хотите быть курицами! Куры вы! Куры!

И хор загудел:

- Куры! Куры! Яйца вам класть! Жирные куры!

Бомбита Чико вытянулся вверх и бросился на противника. Тот поднял левую руку и поймал вялый удар в толстый платок. Оба парня, очевидно, были так пьяны, что едва могли управлять своими движениями.

- Подождите, подождите! - шептал padro. - Подождите только, пока они увидят кровь...

Андалузийцы не переставали дразнить борцов, то подбодряя их, то бичуя насмешками. И снова кричали им в уши:

- Куры вы! Яйца вам класть! Куры! Куры!

Тогда оба бросились друг на друга, слепо, очертя голову. И спустя несколько минут один из них получил легкий порез в левое плечо.

- Браво, Бомбита! Браво, малыш! Покажи ему, мой петушок, что у тебя есть шпоры.

Они сделали маленькую передышку, отерли грязный пот с лица.

- Воды! - воскликнул Лагартихилло.

Им протянули большие кружки, и они стали пить медленными глотками. Видно было, как они трезвели. Равнодушные взоры становились острыми, колючими. С ненавистью смотрели они друг на друга.

- Готов ли ты, курица? - прокаркал маленький.

Его противник вместо ответа бросился на него и разрезал ему щеку. Кровь заструилась по голой верхней половине тела.

- А, начинается, начинается... - бормотал padro.

Андалузийцы замолчали. Жадно следили они за движениями борцов, на которых они поставили свои деньги. И оба человека кидались и кидались друг на друга...

Светлые клинки сверкали, как серебряные искры, в красном мерцании факелов, крепко впивались в шерстяную повязку левой руки. Большая капля кипящей смолы упала одному из борцов на грудь - он и не заметил этого.

Так быстро мелькали в воздухе руки, что невозможно было заметить, достигали ли их удары цели. Только кровавые борозды, которые появлялись всюду на обнаженных телах, свидетельствовали о новых и новых уколах и разрезах.

- Стой! Стой! - закричал патрон.

Парни продолжали биться.

- Стой! У Бомбиты сломался нож! - воскликнул он снова. - Разнимите их!

Двое андалузийцев вспрыгнули, схватили старую дверь, на которой они сидели, и грубо швырнули ее между бойцами. А затем поставили ее между ними так, что они не могли видеть друг друга.

- Дайте сюда ножи, зверки! - крикнул патрон. Оба борца охотно повиновались.

Его зоркий глаз не ошибся. Клинок Бомбиты сломался посередине. Бомбита проткнул своему противнику всю ушную раковину, и его нож сломался о жесткий череп...

Борцам дали по стакану водки. Затем им вручили новые ножи и убрали дверь.

И в этот раз они напали друг на друга, как два петуха: без рассуждения, со слепой ненавистью, удар за удар...

Темные тела окрашивались в пурпур. Из множества ран струилась кровь. У маленького Бомбиты свешивался со лба коричневый лоскут кожи, влажные пучки темных волос торчали в ране. Его нож запутался в повязке его противника, и последний нанес ему два-три глубоких удара в затылок.

- Убери свою повязку, если ты не трус! - крикнул маленький и сам сорвал зубами платок со своей левой руки.

Лагартихилло помедлил мгновение, а затем последовал его примеру. Бессознательно парировали они и после того своими левыми руками взаимные удары, и руки их в несколько минут были совершенно искромсаны.

Опять сломался клинок. Опять разъединили их гнилой дверью. Опять подали им водки и новые ножи...

- Проткни его, Лагартихилло! - воскликнул один из зрителей. - Проткни его! Выпусти кишки старой кляче!

И в то мгновение, когда дверь убрали, Лагартихилло неожиданно нанес своему противнику снизу вверх ужасный удар в живот и выдернул клинок сбоку обратно. Из длинной раны буквально потекла отвратительная масса кишок.

А затем с быстротой молнии нанес удар сверху. Он поразил противника ниже левого плечевого сочленения и разорвал большую артерию, которая питает руку.

Бомбита вскрикнул и согнулся. Толстая, в руку толщиной, струя крови из его раны брызнула другому борцу прямо в лицо. Казалось, что Бомбита сейчас бессильно поникнет; но внезапно он выпрямил еще раз свою широкую грудь, поднял руку и бросился на ослепленного кровью противника. И поразил его между двумя ребрами прямо в сердце...

Лагартихилло затрепетал руками. Нож выпал из правой руки. И могучее тело безжизненно склонилось вперед, к противнику.

И как будто это зрелище придало новые силы умирающему Бомбито, из раны которого широкою дугою брызгал на мертвого врага ужасный кровавый луч. Как безумный, продолжал он вонзять жадную сталь в окровавленную спину.

- Перестань, Бомбита, храбрый малыш! Ты победил! - промолвил спокойно патрон.

Тогда случилось самое ужасное. Бомбита Чико, последний жизненный сок которого окутывал побежденного во влажный красный саван, оперся обеими руками о землю и поднялся кверху так высоко, что из широкого разреза в его животе глубоко вниз вывесились желтые кишки, словно клубок отвратительных змей. Он вытянул шею, вытянул голову - и в глубоком молчании ночи раздалось триумфальное:

"Ку-ка-ре-ку!"

Затем он склонился, как подкошенный... Это был его последний привет жизни...

На мое сознание как бы спустился внезапно красный кровавый туман. Я ничего не видел, не слышал. Я погрузился в пурпурное, бездонно-глубокое море. Кровь заливала мне

уши, нос.

Я хотел закричать, но едва я открыл рот, как он наполнился густой, теплой кровью... Я почти задыхался. Но еще хуже, гораздо хуже был этот отвратительный сладковатый вкус крови на моем языке. Затем я почувствовал где-то у себя резкую боль. Но прошло, как мне показалось, бесконечное время, прежде чем я понял, где у меня болит. Я укусил что-то, и то, что я укусил, именно и болело. С невероятным напряжением разжал я зубы.

И только когда я вытащил палец изо рта, я опомнился. Во время борьбы я почти до корня отгрыз ноготь и впился зубами в обнаженное мясо.

Андалузец пожал мне колено.

- Неудобно ли вам уплатить ваши пари, кабальеро? - спросил он.

Я кивнул.

Тогда он стал очень многословно объяснять мне, сколько я проиграл и сколько выиграл. Все присутствующие окружили нас. О трупях никто не заботился.

Прежде всего деньги! деньги!..

Я передал ему пригоршню монет и просил его распорядиться ими, как нужно. Он пересчитал и с ожесточенными криками стал рассчитывать с остальными.

- Этого мало, кабальеро! - промолвил он наконец.

Я чувствовал, что он меня обманывает, однако спросил, сколько с меня следует, и снова дал ему денег.

Когда он после того заметил, что у меня в кармане еще остаются деньги, он предложил:

- Кабальеро, не хотите ли купить ножичек маленького Бомбиты? Он принесет счастье. Много счастья!

Я приобрел наваху за несообразную цену. Андалузец засунул мне ее в карман.

После этого уже никто не обращал на меня внимания. Я поднялся и, шатаясь, пошел навстречу ночи. Мой палец болел. Я крепко обмотал его носовым платком. Глубокими, долгими вздохами пил я свежий ночной воздух.

- Кабальеро! - окликнул меня кто-то: - Кабальеро!

Я оглянулся. Меня догонял один из только что оставленных мною людей.

- Меня послал патрон, кабальеро, - промолвил он, - не можете ли вы взять с собой домой вашего друга?

- Ах, да... padre! Padre!.. - В течение всего этого времени я не видел его и не думал о нем.

Я пошел обратно, пролез через кактусовую изгородь. На земле все еще лежали, привязанные к ней, кровавые массы. Над ними склонился padre и ласково поглаживал руками эти жалкие разорванные тела. Но я прекрасно заметил, что крови он не касался. О, нет. Только по воздуху двигались его руки...

И я увидел, что это были тонкие, нежные, женские руки...

Его губы шевелились.

- Прекрасная сальса! - шептал он. - Великолепный красный соус из томатов!

Пришлось силой оттащить его от трупов.

Он не мог сам оторваться от созерцания. Он заикался и пошатывался на своих тощих ногах.

- Слишком много водки! - смеялся один из зрителей. Но я знал, что padre не пил ни капли.

Хозяин снял шляпу. Остальные последовали его примеру.

- Vayan ustedes con Dios, Caballeros! - промолвили они.

Когда мы вышли на дорогу, padre добровольно пошел за мною. Он сжимал мою руку и бормотал:

- О, как много крови. Как много дивной красной крови.

Как свинцовая тяжесть, повис он на мне. С усилием дотащил я одурманенного до Альгамбры. Под башней Принцессы мы остановились передохнуть и уселись на камне.

После долгого молчания он медленно промолвил:

- О, жизнь! Какие дивные наслаждения дарит нам жизнь! Как радостно жить!
Холодный, как лед, ночной ветер обвеял наши виски. Я озяб и услышал, что и радго
стучит зубами. Его кровавое опьянение медленно отлетало от него.

- Не хотите ли пойти? - спросил я.

Я снова предложил ему руку.

Он отказался.

Молча мы стали спускаться вниз, к спящей Гренаде...

Гренада (Альгамбра). Март 1905